

Анастасия Дунаева

Anastasia Dunaeva

(The Elizabeth-and-Sergius Enlightenment Society, Moscow, Russia)

**Рец. на: R.G. Robbins. Overtaken by the Night.
One Russian's Journey through Peace, War, Revolution, & Terror.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017. 564 p.***

DOI: 10.31857/S0869568722030165, EDN: FXSBKB

В новой книге американский профессор Р. Роббинс подробно анализирует биографию государственного деятеля Российской империи начала XX в. Владимира Фёдоровича Джунковского (1865–1938). В исследовании, состоящем из шести частей, пролога и заключения, описываются его происхождение и детство, обучение в Пажеском корпусе, служба в лейб-гвардии Преображенском полку и в качестве адъютанта московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, деятельность на постах московского губернатора (1905–1913), товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915), служба на командных постах в действующей армии в период Первой мировой войны, советский период и трагический конец – ночной расстрел на Бутовском полигоне НКВД в 1938 г. Именно гибель героя, обстоятельства

которой отразились в заглавии книги, открывает повествование обо всех перипетиях его судьбы.

Рецензируемая монография органично связана с двумя фундаментальными трудами Роббинса о голоде 1891–1892 гг. и о русских губернаторах конца XIX – начала XX в.¹ Мемуары Джунковского автор начал изучать ещё в 1981 г., и перед нами итог десятилетий его научной работы. Исследователь использовал материалы ГА РФ, ОР РГБ, РГАСПИ, РГВИА, Государственного центрального театрального музея им. Бахрушина, а также документы Бахметьевского архива Колумбийского университета и архива Гуверовского института. Особенно хочется отметить прекрасный иллюстративный материал. В книгу вошли фотографии представителей династии Романовых из коллекции Гуверовского института, а также уникальный графический

* Роббинс Р.Г. Исчезнувший в ночи. Путешествие русского человека сквозь мир, войну, революцию и террор. Питтсбург: Изд-во Питтсбургского университета, 2017. 564 с.

портрет Джунковского, выполненный М.М. Осоргиным в 1929 г.

Строго следуя источникам, Роббинс стремился рассказать историю «свидетеля эпохи» и «активного участника тревожных и бурных событий» не только коллегам, но и широкому американскому читателю. Задача важная, но непростая, поскольку имя Джунковского пока ещё мало известно не только в США, но и в России. Он не был на первых ролях в определении вектора развития страны, но его карьера «позволяет увидеть изнутри, как менялся стиль и характер российского управления в последние годы старого режима, какая борьба разворачивалась между реформаторами и силами, блокирующими реформы» (р. IX).

Автор уделяет особое внимание традициям семьи Джунковских. Предки Владимира Фёдоровича со стороны отца были священниками, что отразилось и в девизе рода «Deo et proximo» («Богу и ближнему»). Родившись в семье генерал-лейтенанта, Джунковский окончил элитный Пажеский корпус, что предполагало карьеру на государственном поприще. Решающее значение имела для него служба в качестве адъютанта московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. В 1892 г. он был направлен в Саратовскую губ. в качестве уполномоченного комитета вел. кн. Елизаветы Фёдоровны для ликвидации последствий голода. Помощь голодающим позволила ему извлечь первые практические уроки, которые пригодились в будущем. С его точки зрения, личное участие должно было идти рука об руку с рациональным, прямым и несентиментальным подходом к нуждам низших классов (р. 33).

Настоящей школой государственного управления стала для Джунковского работа в качестве товарища председателя Московского столично-

го попечительства о народной трезвости — ещё одно поручение, данное ему Сергеем Александровичем в 1901 г. Именно здесь у Владимира Фёдоровича сформировалось «настоящее понимание рабочего класса и его нужд» (р. 73). Эта работа сделала его «своим» человеком в структурах московского государственного и общественного управления, подготовила к постам вице-губернатора и губернатора.

Роббинс подчёркивает, что карьера Джунковского была нестандартной, но вовсе не уникальной. «Карьерный рост Джунковского, — пишет исследователь, — привёл его в высшие эшелоны власти так называемой “служащей интеллигенции”, в круг элитной бюрократии, разделявшей в основном культурные и моральные ценности интеллигенции, но посвятившей себя служению государству» (р. 486–487). Джунковский с огромным уважением относился к личности П.А. Столыпина и его программе, тоже считая Государственную думу «необходимым инструментом для достижения цели — создания великой России» (р. 160). Автор полагает, что среди всех государственных управленцев высокого уровня именно губернаторы после 1905 г. напрямую сталкивались с политизацией российского управления и всё более сложным плюрализмом русской жизни (р. 486).

Особое внимание в книге уделяется аграрной реформе в Московской губ. Джунковский много времени проводил в разъездах, находился в центре общественной жизни, успешно выстраивал отношения с земством, предпринимателями, интеллигенцией. По мнению Роббинса, Владимир Фёдорович по своим личным и профессиональным качествам был администратором «стольпинского призыва»: «Его энергия, внимание к деталям, искренняя вовлечённость во все аспекты работы губернатора поражала современ-

ников. Его желание непосредственно находиться на месте события вызывает ассоциации с американцами – Теодором Рузвельтом и Фиорелло Ла Гуардиа» (р. 143).

Воспитанный в традиции преданности монарху и находившийся в непосредственной близости к императору, Джунковский никогда не разделял крайне правые взгляды и не пользовался симпатией правых кругов, которые зачастую обвиняли его в «игре в либерализм». По этому поводу Роббинс замечает: «Как большевики, так и члены Союза русского народа отрицали увеличивающееся разнообразие, плюрализм общественной жизни с сильным коммерческим и буржуазным подтекстом – естественным следствием Великих реформ 1860-х годов. Джунковский, однако, принимал этот новый мир, если не во всём, то в главном, принимал перспективы перемен и главенство закона. Он демонстрировал “либеральный консерватизм” (в противоположность консервативному либерализму) как в разрешении политических баталий в Московской губернии, так и в своём ответе на политику премьер-министра П.А. Столыпина» (р. 158). Автор полагает, что противники Владимира Фёдоровича путали стиль его деятельности с её смыслом. Обладая либеральными качествами, необходимыми в новой политической реальности, он сохранял преданность династии, был доверенным лицом монарха и настоящим «хозяйном губернии».

Карьерный этап Джунковского, связанный с должностью товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов, Роббинс не считает принципиально отличным от других (что необычно для историографии). Он подчёркивает, что «политизированный подход», берущий начало в губернаторском опыте Джунковского, лежал в основе его

реформаторских усилий в отношении Департамента полиции и Корпуса жандармов: «Руководствуясь моральными соображениями, стремясь к экономии² и эффективности, Джунковский не хотел фундаментально изменить работу этих институтов. Он в основном заботился об изменении имиджа спецслужб и о том впечатлении, которое они производят на общественное мнение» (р. 487).

Автор соглашается со своим американским коллегой Дж. Дейли, который считал Джунковского моралистом³. Концепции морали и чести, сформированные семейной традицией, религиозным воспитанием повлияли на образцы, которые предложил Владимир Фёдорович в своём первом приказе по Корпусу жандармов, призывая «осушать слёзы несчастных», беречь честь мундира, помнить о принадлежности жандармов к русской армии.

Роббинс считает, что конфликтные отношения между Джунковским и представителями охранных отделений иллюстрировали сложность модернизационных процессов в поздней императорской России. Охранка, по его мнению, «не совпадала с социальными и политическими тенденциями, особенно с теми из них, которые после 1905 г. усиливали важность политики и значение общественного мнения. Джунковский же, со своей стороны, несмотря на казалось бы “устаревшую” апелляцию к чести и порядочности, более соответствовал вызовам времени, инстинктивно чувствуя важность репутации спецслужб и публичных отношений» (р. 486–487). Заметим, что данное утверждение автора об охране весьма спорно и, возможно, требует пояснений. Думается, что конфликт Джунковского с ней имел под собой более конкретные профессиональные и личные основания⁴.

Вместе с тем следует возразить Роббинсу в главном – реформа по-

лиции, по замыслу Джунковского, отнюдь не ограничивалась заботой об общественном мнении. Он предполагал отстранить чинов Корпуса жандармов от политического розыска, заниматься которым, по его мнению, должны юристы. «Прежде всего мне надо было, конечно, отобрать от жандармского корпуса все политические дела, — заявил Джунковский в Чрезвычайной следственной комиссии 2 июня 2017 г., — я хотел превратить жандармский корпус в боевую единицу и обставить его как жандармскую полицию на железных дорогах, ввиду того, что железные дороги играют весьма важную роль в стратегическом отношении, а потому для сохранения порядка в смысле военном необходимо иметь там орган чисто военный»⁵. Этот план Джунковского требовал серьёзной подготовительной работы и остался нереализованным.

Другой важный аспект реформы полиции — назначение губернатора руководителем полицейской структуры, объединяющей общую и жандармскую полицию в губернии. За это решение выступал Джунковский, и оно было одобрено комиссией Государственной думы по обсуждению законопроекта о полицейской реформе, который, однако, так и не стал действующим законом.

Джунковский настоятельно рекомендовал начальникам губернских жандармских управлений работать в тесном единении с начальниками губерний. Возникающие противоречия в дальнейшем могли иметь печальные последствия для карьеры начальника ГЖУ вплоть до увольнения. «К сожалению, мне не удалось выполнить все мои намерения, за краткостью времени, которое я провёл на этих постах и вследствие начавшейся войны. Успел только провести частичные реформы, не требовавшие проведения их в законодательном порядке, значи-

тельно сократить расходы по Департаменту полиции», — писал Владимир Фёдорович Ф.Э. Дзержинскому, находясь в Бутырской тюрьме в 1918 г.⁶

Намерение Джунковского представляется интересным и в свете последних исторических изысканий. Историк Л.В. Ульянова отмечает, что и после Манифеста 17 октября 1905 г. «политический сыск остался внутренне противоречивой совокупностью ведомств и подразделений, которые имели различное подчинение и чины которых продолжали воспринимать окружающее пространство в разных и зачастую взаимоисключающих мировоззренческих и идейных категориях»⁷. Таким образом, предложенная реформа гипотетически могла изменить ситуацию в политической полиции, способствовать созданию единого идеологического пространства, опирающегося на правовые нормы.

Наиболее драматичный советский период жизни Джунковского-пенсионера (более 20 лет) также оказался связанным со спецслужбами. Бывший царский генерал провёл около трёх лет в смоленской и московской ЧК, в Бутырской и Таганской тюрьмах. Он был освобождён в ноябре 1921 г., позже давал консультации по техническим профессиональным вопросам высшим чинам ОГПУ—НКВД.

В процессе общения с профессором Роббинсом у нас возникла дискуссия по поводу возможного участия Джунковского в разработке операции «Трест»⁸. В результате автор отказался от своей версии, заявив в книге, что это участие «не доказано» (р. 445). Исследователь выдвигает интересное предположение о том, почему версия об участии Джунковского в «Тресте» стала распространяться в российской научно-популярной литературе. Поскольку во время заключения Джунковский писал подробные письма Дзержинскому, то нельзя исклю-

чить, что во время допросов он мог рассказывать, например, о зубатовском эксперименте, напоминающем методы «Треста» и, возможно, послужившим основанием для построения легенды. Кроме того, «придворные историки», по мнению Роббинса, могли использовать имя Джунковского для создания более почётной (берущей начало в царской России) родословной современных спецслужб (р. 445). Вместе с тем следует подчеркнуть, что на данный момент не выявлены источники, подтверждающие личные контакты Джунковского с Дзержинским и консультации, якобы данные Владимиром Фёдоровичем во время первого заключения.

В течение всего повествования Роббинс видит в своём герое не только администратора эпохи модерна, но и православного христианина, что особенно проявлялось в критические моменты, связанные с риском для жизни. Его вера ещё более окрепла в советский период, когда он продолжал исповедовать православие, создавал свои многотомные воспоминания — «энциклопедию поздней императорской России».

Автор справедливо считает, что мемуары Джунковского свидетельствуют о его серьёзном интересе к истории: «Он был знаком с работами выдающегося русского историка Николая Карамзина, а, будучи адъютантом великого князя Сергея Александровича, слушал лекции другого великого учёного — Василия Ключевского, который был частым гостем в генерал-губернаторском доме» (р. 183).

Роббинс предположил, что при написании мемуаров Джунковский, страстный театрал, выбрал для себя роль Пимена, монаха-летописца в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (р. 453). Царская тема, действительно, красной нитью проходит через его мемуары. Джунковский называ-

ет Николая II царём-мучеником, он скрупулёзно запечатлел последние имперские торжества, проводимые при его непосредственном руководстве: 100-летие Отечественной войны 1812 г. и 300-летие династии Романовых. Исследователь очень вдумчиво описывает его взаимоотношения с великокняжеской четой, избегая сплетен и мифологем. Представляется, что в свете последних исследований о Сергее Александровиче автор излишне категоричен, обвиняя великого князя в антисемитизме⁹.

Заключение книги возвращает читателя к первой главе, где речь шла о гибели главного героя, для которого «слова апостола Павла, замученного тираном Нероном, могли стать его мыслями, которые давали ему не только ощущение спокойствия, но и чувство торжества» (р. 485). Имя Владимира Фёдоровича можно найти в списке установленных жертв политического террора, расстрелянных на Бутовском полигоне. Благодаря профессионализму и литературному таланту Роббинса, история жизни Джунковского, несомненно, вызовет чувство сопереживания, восхищения личным мужеством, высоким профессионализмом, благородством русского государственного деятеля и православного христианина, заставит не раз совершить вместе с ним «путешествие порядочного человека сквозь бурные и непорядочные времена» (р. 489).

Примечания

¹ *Robbins R. Famine in Russia 1891–1892. N.Y., 1975; Robbins R. The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987.*

² Процесс слияния жандармских управлений и охранных отделений начался в связи с революционным спадом ещё до вступления Джунковского в должность. Финансовые сокращения были естественным следствием этого процесса, а не целью реформы.

³ *Daly J.W.* A Moralist Running the Police Apparatus // *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917.* DeKalb, 2004. P. 136–158.

⁴ Об отношениях Джунковского и представителей охранных структур см. подробнее: *Дунаева А.Ю.* Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Фёдорович Джунковский. М., 2012. С. 214–229.

⁵ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. 5. Л., 1925. С. 69.

⁶ ГА РФ, ф. Р-10035, д. П-53985, л. 134.

⁷ *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. 1880–1905. СПб., 2020. С. 319–320.

⁸ *Robbins R.* Was Vladimir Dzhunkovskii the Father of the «Trust»? A Quest for the Plausible // *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2008. № 1. P. 113–143; *Дунаева А.Ю.* «За Господом Крестоносцем нельзя идти без креста...». Владимир Джунковский в советской России // *Родина.* 2010. № 3. С. 105–109.

⁹ Д.М. Софьин аргументированно утверждает, что «законодательные акты о выселении евреев готовились помимо великого князя и независимо от его назначения в Москву» (*Софьин Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М., 2016. С. 96). О его взаимоотношениях с И.И. Левианом см.: *Вяткин В.В.* Великий князь Сергей Александрович и изобразительное искусство // *Художник.* 2011. № 1. С. 30–35.